

Человек, достойный улицы цветов

Режиссер Лев Додин – о своем первом театральном наставнике Матвее Дубровине

- Есть личности, которые на многие годы, если не на всю жизнь, что-то определяют в твоей судьбе. Матвей Григорьевич был и остается для меня одним из таких людей.

- Ходят легенды, что в его ТЮТ было попасть не проще, чем в институт на Моховой?

Конкурс был действительно большой. И поступали мы на пару с моим одноклассником и другом Сережей Соловьевым. Все происходило в 46-й комнате на первом этаже Дворца пионеров. До сих пор помню и этот номер, и нашу радость, когда нас приняли. Для нас, 12-летних мальчишек, это было огромное событие. Сам конкурс помнится смутно, но я хорошо помню ЕГО на конкурсе.

- Это был какой-то особенный человек?

- Сейчас я понимаю, что он был не слишком красив и не особенно примечателен. Но нам он со своим сократовским лбом казался замечательным, могучим и красивым. Это естественный обман любви и увлеченности. Его манера общения с нами поразила с первой же встречи. После конкурса он собрал нас и начал шепотом что-то говорить. Я удивился: неужели он думает, что шепотом перекроет наш галдеж! Но постепенно силой какого-то магнетического его воздействия или потрясающей разумности возникла тишина. Всем было интересно услышать, что же так тихо говорил этот небольшой человек. Я никогда не слышал, чтобы Матвей Григорьевич кричал, кроме как иногда на сцене, когда он что-то показывал. Он всегда говорил увлеченно, ярко и сомасштабно с теми, с кем общался.

- Что же за атмосфера царила в вашем театре?

- Шел 1956 год, вроде бы намечались перемены. Может быть, и само рождение ТЮТа было знаком этой перемены. Но все же жизнь была довольно скукоженная, узкая, несвободная. Это ощущается особенно остро, потому что у нас в ТЮТе жизнь была особенной, абсолютно отличавшейся от той, что царила вокруг. Для нас это были времена полной творческой свободы, проявления добра, любви и интереса друг к другу, ощущение театра как некоего магнетического чуда. Матвей Григорьевич передавал нам это чувство самым собой. И шесть лет, прожитых вместе, казались мне, да и сейчас кажутся целой жизнью.

- А сам Дубровин к какой театральной школе принадлежал?

- Он был учеником школы Мейерхольда. Долгие годы говорить об этом и проявлять это было опасно, практически запрещено, а в нем чувство формы было мейерхольдовское. Но эта форма рождалась из какого-то большого, подлинного чувства. Думаю, он не случайно ушел из профессионального театра в то время, когда так трудно было что-либо делать искренне, он был удивительно искренний человек. Он посвятил себя общению с детьми, которое все определило и в его жизни, и в нашей. А режиссер он был

замечательный. Помню, репетировали мы какую-то современную пьесу. Матвей Григорьевич начал в лицах показывать нам эпизод, и произошло чудо. Он стал вдруг огромным, вскочил на стул, потом со стула на стол. Нафантазировал всего. И мы поняли, что все возможно. Он ушел, и пьеса стала тусклой, потому что фантазировать так, как он, мы не умели. Но осталось ощущение чуда, которого можно попытаться достигнуть.

- На чем была основана его педагогика?

- Он был УЧИТЕЛЕМ в самом истинном смысле слова. С ним можно было говорить обо всем. У нас иногда случались вечера вопросов и ответов. Можно было запиской или напрямую задать любой вопрос. Он отвечал на самые наивные вопросы. Но в ответах вырастала целая философия жизни. Дубровин умел обнаружить в частном главное, а вещи, которые нам казались иногда очень важными, сводить до их простых сущностей. И обнаруживалось, что театр – это место, где можно говорить обо всем. С тех пор театр и остался для меня именно таким местом, где лучше всего думается обо всем, что тебя волнует. За этот интерес к каждому из нас, который он излучал, мы и отвечали Матвею Григорьевичу бесконечной любовью.

Помню один его день рождения, который мы отмечали в Скреблове, где у нас был репетиционный лагерь. Дубровин приехал на несколько дней отдохнуть, лег спать. А мы всю ночь готовили ему сюрприз, да так, чтобы его не разбудить. И утром, отворив дверь, он увидел у порога своего домика Дорогу Цветов. Матвей Григорьевич никогда не требовал от нас любви. Он просто ее ВЫЗЫВАЛ. Так рождаются идеалы.

- В ряду каких педагогов вы бы поставили его имя?

- В нем было что-то родственное Яношу Корчаку... Они близки по доброте, по тесной связи с теми, кто рядом. При всем при том по должности Дубровин был одним из рядовых педагогов Дворца пионеров имени Жданова. Его по настоящему не оценили при жизни, как очень часто происходило и, может быть, сейчас происходит в нашей стране, которая во многом изменилась, но в чем-то не меняется.

- Он не оставил книг, учебников?

- Всю жизнь он собирался написать книгу о том, что такое тютовское воспитание, но так и не написал. Дар общения в нем был сильнее всего. Да и само тютовское воспитание – это была его собственная жизнь, разделенная с другими. Ее трудно описать или методологически передать.

Корчак писал сказки, мечтал о том, что было бы, если бы он снова стал маленьким. Матвей Григорьевич сплетал свои добрые сказки и неправдоподобно правдивые истории непрерывно. И его ненаписанная книга по-своему существует в тех людях, которые ныне живут и что-то делают. Это и режиссер Вениамин Фильштинский, и Евгений Сазонов, который руководит ТЮТом, и заведующий литературной частью Малого драматического Михаил Стронин, и Сергей Соловьев, который немного пробыл в театре, но, думаю, сохранил интерес к нему, и сотрудник нашего театра Анна Огибина, и химик Алексей Днепровский, и физик – руководитель института театра Александр Борщевский, и Инна Госина,

живущая сейчас в Америке, и Элла Лapidус в Петербурге, и психиатр Аркадий Корзенев... Имена хочется продолжать бесконечно, потому что все они личности, за ними судьбы, и все они часть моей собственной судьбы. Все не чужие. Вдруг я и среди своих учеников обнаруживаю тютовцев. Они уже учились не у Дубровина, но дух все-таки сохранился.

- Что-то о вашей театральной судьбе он вам говорил?

- Он благословил меня идти в Театральный институт, что делал довольно редко. Потому что из ТЮТа считалось вовсе не обязательно идти на Моховую. Но он чувствовал, что мне очень этого хочется...

- Какой же главный нравственный урок преподавал вам Дубровин?

- О, это непросто сформулировать в нескольких словах. Думаю, он заронил в нас само понятие нравственности, чувства чести, надежды, добра, внутренней свободы и еще, может быть, радости жизни. Он был радостным человеком, хотя глаза у него всегда были печальные. Нормальный местечковый мудрец. Только местечком его был весь мир.

Интервью взял Олег Сердобольский,
корр. СПб-ТАСС, -
специально для "Санкт-Петербургских ведомостей"
10 ноября 2001 года